

The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies

Numéro Issue 6/7 (2007)

The Social and Political Role of War Veterans

Константин Банников / Konstantin Bannikov

Ж.В.Кормина, Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа, Москва: Новое литературное обозрение, 2005, 376 с. [*Zhanna Kormina, Rituals of Departure to the Military Service in Late Imperial Russia, Moscow: NLO publishing house, 2005, 376 pages*]

Avertissement

Le contenu de ce site relève de la législation française sur la propriété intellectuelle et est la propriété exclusive de l'éditeur.

Les œuvres figurant sur ce site peuvent être consultées et reproduites sur un support papier ou numérique sous réserve qu'elles soient strictement réservées à un usage soit personnel, soit scientifique ou pédagogique excluant toute exploitation commerciale. La reproduction devra obligatoirement mentionner l'éditeur, le nom de la revue, l'auteur et la référence du document.

Toute autre reproduction est interdite sauf accord préalable de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France.

revues.org

Revues.org est un portail de revues en sciences humaines et sociales développé par le CLEO, Centre pour l'édition électronique ouverte (CNRS, EHESS, UP, UAPV).

Electronic reference

Константин Банников / Konstantin Bannikov, « Ж.В.Кормина, Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа, Москва: Новое литературное обозрение, 2005, 376 с. [*Zhanna Kormina, Rituals of Departure to the Military Service in Late Imperial Russia, Moscow: NLO publishing house, 2005, 376 pages*] », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 6/7 | 2007, Online since 18 décembre 2007. URL : <http://pipss.revues.org/index557.html>

DOI : en cours d'attribution

Éditeur : Centre d'études et de recherche sur les sociétés et les institutions post-soviétiques (CERSIPS)

<http://pipss.revues.org>

<http://www.revues.org>

Document accessible en ligne à l'adresse suivante : <http://pipss.revues.org/index557.html>

Document généré automatiquement le 26 mars 2010.

Creative Commons License

Константин Банников / Konstantin Bannikov

Ж.В.Кормина, Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа, Москва: Новое литературное обозрение, 2005, 376 с. [*Zhanna Kormina, Rituals of Departure to the Military Service in Late Imperial Russia, Moscow: NLO publishing house, 2005, 376 pages*]

- 1 Монография Жанны Корминой *Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа* представляет собой классическое этнографическое исследование, основанное на описании обширного круга фольклорных материалов по рекрутской обрядности, обобщенных и проанализированных в русле структурно-семантических интерпретаций.
- 2 Предмет ее интереса очерчен обширным кругом источников – этнографических описаний, фольклорных текстов, и современных полевых материалов автора.
- 3 Этнографические описания – это описания ритуалов проводов в армию и специальные работы о рекрутской обрядности конца XIX – начала XX века, публиковавшиеся в «Губернских ведомостях» и краеведческих периодических изданиях того времени, материалы Тенешевского архива Русского этнографического музея, собранные корреспондентами этнографического бюро князя В.Н.Тенишева, крестьянские самоописания, письма-жалобы крестьян на хулиганство рекрутов, и публикации времен Первой мировой войны. Фольклорные источники – причитания, рекрутские песни и частушки, молитвы, благословения, благопожелания, тосты, сказки, стихи из дембельских альбомов. Современные полевые материалы составляют, по сообщению автора транскрипции интервью, записанных в ходе работы фольклорно-этнографической экспедиции факультета этнологии Европейского факультета в Санкт-Петербурге на севере и северо-западе России, в Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской областях, которые проводились в 1997-2001 годах. Полевые материалы автора представляют собой воспоминания информантов 1900 – 1930-х годов рождения о том, как их или они провожали в армию.
- 4 Книга Корминой, по своему содержанию, структуре, стилю, представляет собой кандидатскую диссертацию подготовленную к публикации в формате монографии.
- 5 Первая глава представляет собой подробный обзор источников, вторая посвящена анализу структуры и семантики рекрутского обряда, и состоит из трех разделов: «Гулянья. Способы репрезентации лиминального статуса рекрута», посвящена семантической интерпретации ритуального антиповедения и его атрибутам – алкоголю, хулиганству, эмоциям, гармонии, костюму. Раздел «Прием на службу» описывает структуру этого процесса, включающую жеребьевку, измерение, забривание, принесение присяги. «Проводы» описывают родительские благословения, ритуал прощания, комплекс магических мероприятия, направленных на «избавление от тоски», и на то, чтобы рекрут вернулся.

- 6 В третьей главе «Ритуал и социально-исторический контекст (к проблеме конструирования обряда)» ставится вопрос о механизме конструирования обрядовых практик, и предпринимается попытка ответить на него методом диахронно-сравнительного анализа, сопоставляющего проводы рекрутов XIX с проводами в армию наших современников конца XX-го. Автор оговаривает свое понимание ритуала «как некоторой последовательности действий символического порядка, посредством которых утверждается или репрезентируется впервые или заново, социальный статус героя (или героев обряда)».
- 7 В четвертом разделе «Проводы в армию в посттрадиционной культуре» делается попытка введения и обоснования теоретического концепта «посттрадиция», приводятся размышления относительно реактуализации службы в армии, как архаической переходной обрядности в новых социально-исторических условиях.
- 8 В заключении автор делает выводы, логично происходящие из диахронного анализа рекрутского обряда, но актуальные для понимания некоторых общих закономерностей культурно-исторического развития российского общества. Согласно наиболее важным выводам из работы Корминой, рекрутская обрядность являет собой пример адаптации новых социально-исторических реалий к традиционной культуре. «Адаптация заключается в осмыслении события, которое происходит посредством реализации тех или иных когнитивных стратегий, которые есть ни что иное, как культурно обусловленные стереотипы восприятия и репрезентации события». Трансформация традиционной культуры обусловлена ее внутренним динамизмом, возникающим в сфере социальных идентичностей, задаче символических репрезентации которой подчинены обряды жизненного цикла, видоизменяющиеся на уровне значений, которые придаются службе в армии на уровне жизненных сценариев конкретных личностей.
- 9 Исследование вполне оригинальное и по введенным в научный оборот источникам являет собой заметный вклад в российскую этнографию.
- 10 Что касается уровня аналитики, то привязанность к традиционной фольклористике, мешает автору выйти на тот уровень теоретического осмысления исследуемого феномена, который требует и анализируемый ею материал, и семиотический метод интерпретаций, коим она вполне владеет. Некоторые рассуждения Корминой создают впечатление, что она предпринимает попытки как бы освободиться от инерции описательной этнографии, мешающей ей выйти на новые уровни теоретизирования. Обосновывая возможность «заниматься этнографией в собственной культуре», и «проблематизировать повседневность, рутину», - методологические проблемы, которые «могут показаться неразрешимыми», а источники «несопоставимыми с традиционными этнографическими материалами», Кормина делает прогрессивный вывод – сообщает, что она изучает источники не как выразительные средства сами по себе, а некие представления людей, которые выражаются этими выразительными средствами. Судя по тому, что гуманитарные науки пришли к этому уже в начале XX века, получается, что Кормина как бы полемизирует с виртуальным с оппонентом из XIX-го, размышляющим о предмете этнографии в стиле *Volkskunde* и *Völkerkunde*.
- 11 Собственные суждения, имеющие хоть какой-то намек на оригинальность, Кормина сопровождает оговорками, что ее авторский подход «ни в коем случае не означает пересмотра или отрицания положений», сформулированными в работах мэтров советско-российской этнографии. Такой исследовательский инфантилизм, приводит Кормину, вопреки логике анализа материала, к механическому воспроизводству исследовательских подходов, ставивших перед собой другие задачи. Так например, концепт «посттрадиционный», который она предлагает, представляет собой механический клон концепции «постфольклора», сформулированной С.Ю.Неклюдовым в работе «После фольклора», который в свою очередь представляет собой

инструментальный конструкт, направленный на преодоление скорее внутренних методологических проблем российской фольклористики, чем на анализ социокультурных явлений, стоящих за предметом этой субдисциплины. Понятие образовано механически, в соответствии с модой на словообразование приставкой «пост-», реализованной в других неологизмах - «постиндустриальный», «постисторический», «постсоветский», - отражающих не столько понимание, сколько ощущение процессов, перехода из прошлого в будущее, через ускользающее от наблюдения настоящее. Кормина расширяет этот ряд понятием «посттрадиционный», но оно, в отличие от понятия «постиндустриальный» и «постисторический», описывающих новые принципы организации экономических и информационных ресурсов, лишено содержания. Кстати сказать, понятие «постистория» предполагает повышение роли синхронных коммуникаций в которых, которое вызывает в массовом сознании реактуализацию фольклорных и мифопоэтических структур, под натиском которых научное знание вытесняется из картины мира на периферию мировоззрения. выполняет диктующих культуре новые законы, согласно и Маклюэну, заметившему сокращение мира до масштабов деревни, и современному московскому философу Миронову, который ввел понятие «клиповая культура» - культура тотального карнавала, который пронизывает общество синхронных коммуникаций, предопределяющих снижение дихорных коммуникаций, в которых эмоция, звук, картинка вытесняют письменность, а установка на «здесь и сейчас» лишают прошлое и будущее общественной ценности. Это глобально «синхронизированное» состояние общества и есть «постистория», в котором происходит реактуализация и фольклора, и ритуала, и мифологии – несущих конструкций ментальности традиционного общества.

12 Кормина, предлагая новое определение, не имеет в виду качественные состояния современного общества, и поэтому спешит расписаться в теоретической беспомощности своего нововведения, сводя его к разряду вспомогательной терминологии. «Современная культура <...> не менее «традиционна», чем любая другая, и разница между условными «традиционным» и «пост-традиционным» периодами относятся скорее к сфере специфики источников и расстоянию (социальному, культурному) между исследователем и теми людьми которых он исследует». (с.283) То есть, содержание понятия не имеет отношение к обществу, и является внутренней методологической проблемой фольклориста, исследующим феномен не тем инструментом, который для этого нужен, а тем, который есть в наличии.

13 Итак, Кормина обосновывает концепт «посттрадиционного периода», характеризуя его «по качеству источников, а именно по дистанции между собирателем и информантом, которая определяется в частности, такой важной для оценки источников характеристикой, как владение правилами одно и того же дискурса. Информант и собиратель теперь живут в одном информационном пространстве, социальная дистанция между ними минимальна». (с.22 – 23) Однако именно специфика армейского этнографического материала заставляет усомниться в справедливости высказанного положения. Я бы поостерегся утверждать насчет «минимальной социальной дистанции» между девушкой-доцентом и дембелем-комбайнером. Не только потому, что в российской армии высокая степень гендерного детерминизма продолжает поддерживать ее восприятие в качестве института архаических мужских инициаций, как «школы жизни настоящих мужчин», что наглядно показывает сама Кормина. Но в том числе и потому, что доцент в оценке социальной реальности руководствуется правилами научного дискурса, а дембель – мифологического. Синхронность социальных страт не означает гомогенность информационного пространства, в том числе и потому, что время – категория социальная, а социальность – категория информационная. Каждая социальная страта может быть понята как результат социальной продуктивности

информационного поля, поэтому говорить о том, что разные социальные страты «живут в одном информационном пространстве» – абсурд. Исследование Корминой, особенно в контексте других современных социально-антропологических исследований российской армии убедительно показывает, что социальная дистанция между новобранцами начала XXI века и конца XIX гораздо меньше, чем между их исследователями. В том числе и потому, килобайты информационного поля, заряжающие атмосферу, для разных социальных страт несут совершенно разную информацию, как раз потому, что они НЕ «владеют правилами одного и того же дискурса». И пример «изобретения традиции заново», который приводит Кормина, это доказывает лучше всего – для современных новобранцев оказываются актуальными правила того же «дискурса», что и для их прапрапрадедов-рекрутов XIX века. Кормина же владеет «дискурсом» ее далеких предшественников того времени – сельской интеллигенции, в релевантности описаний которых она сомневается потому, что те были недостаточно инкорпорированы в «дискурс» крестьянской общины. Можно ли в таком случае не сомневаться в релевантности описаний и выводов по поводу солдатской субкультуры совершенно не инкорпорированной в нее Корминой? Поводы для сомнений имеются. Кормина не имеет опыта включенного наблюдения за реальным поведением российских солдат, и не использует этнографические описания других авторов, выполненных на его основе. Она руководствуется данными собственных опросов военнослужащих, но как это хорошо известно каждому, кто имел возможность общаться с военными, в формальных ситуациях (одной из которых и воспринимаются всякого рода опросы) военные озвучивают общие штампы в которые сами не верят. Любой офицер знает, что солдатская субкультура практически не проницаема для влияния извне, и поэтому не управляема иначе, чем средствами внутренней самоорганизации. В противном случае система неформальных отношений военнослужащих не представляла бы собой общенациональной проблемы, вследствие которой в российской армии мирного времени погибает не меньше солдат, чем в американской во время спецопераций, типа иракской кампании. В анализе представлений-штампов, посредством которых солдат или новобранец апологизирует свое вынужденное пребывание на службе, следует учитывать фактор психологической защиты, основанный на механизме субъективации воли к действию. И еще многие другие факторы психологической стабилизации, одним из мощных механизмов которой является фольклор. Психологическую функцию фольклора Кормина не рассматривает вообще, за исключением сообщения о том, что в рекрутском фольклоре осуществляется репрезентация эмоциональных состояний рекрута. Однако это не совсем так. Рекрут не может выражать эмоции не предусмотренным культурой образом. Стало быть, вопрос о психологической функции фольклора заключается не просто в репрезентации, но в институализации эмоций.

- 14 По той же причине Кормина допускает неточности в интерпретации некоторых артефактов и институтов солдатской субкультуры, таких как солдатских блокнотов и дембельских альбомов, поскольку анализирует их формы без учета представлений о процессе изготовления. Разделение их семантических значений представляется надуманным. Во-первых, не понятно какие именно солдатские блокноты она имеет в виду: положенные по уставу, но расширенные «неуставными» записями, или изготовленные как дешевый эквивалент дембельских альбомов в условиях скудных материальных ресурсов (в ряде воинских частей просто не возможно добыть все необходимые для изготовления «канонического» альбома материалы). Во-вторых, некоторые блокноты являются черновиками дембельских альбомов, в которых переносится их содержание. В третьих, семантика дембельских альбомов – не столько репрезентация субкультуры вовне, а именно социализация молодых солдат в приобщении к ценностям дембеля. Самоценным оказывается именно процесс изготовления дембельских альбомов, как акт

интеграции всех социальных страт – от духов до дембелей в действиях воплощения символа демобилизации как сверхценности. В ряде случаев, накануне демобилизации солдаты свои альбомы продают или оставляют в части, как уже выполнивший свою функцию и/или семантически не уместный «на гражданке» предмет, или по возвращении домой его стесняются демонстрировать непосвященным.

15 В целом, Кормина обращается с материалом весьма осторожно, не слишком углубляясь в те области, в которых она недостаточно компетентна. Странно другое - почему она избегает расширения области своей компетенции? При том, что ее исследование в целом ряде сюжетов перекликается с работами предшественников, она почему-то полностью игнорирует их исследования. На мой взгляд, совершенно напрасно. Ее описание способов репрезентации лиминального состояния у рекрутов XIX-го века только бы выиграло бы от сравнения анализа со способами репрезентации лиминального состояния у новобранцев конца XX-го века. То же самое можно сказать и про знаки ритуальных половых инверсий, про социальный аспект эмоции, солдатскую социализацию и про многое другое. Для ее исследования это было бы тем более ценно, что большинство проигнорированных Корминой исследований выполнены авторами, имевшими, в отличие от нее, личный опыт инкорпорации в исследуемые ей сообщества, который в этнографии был и остается основным методом – методом включенного наблюдения. Разумеется, авторский подход предполагает право автора на свои предпочтения при выборе источников и библиографии. Однако, судя по тому, что она его никак не обосновывает, остается сделать вывод, что Кормина в момент написания монографии, просто не знала о существовании новейших исследований, которые уже тогда активно используются в прикладных областях социальной антропологии, как в самой России, так и за ее пределами.

16 Сознательное или бессознательное игнорирование разнообразия новых исследовательских подходов приводит к некоторым затруднениям там, где Кормина выходит за пределы фольклорного описания и этнографического анализа на уровень осмысления фундаментальных аспектов человеческой природы. «До сих пор в некоторых регионах России наблюдается обычай выносить призывника из его родного дома вперед спиной, как это было в конце XIX века, и я думаю, что дело здесь не только в сохранности обрядовых форм (а может быть, вообще не в этом). Представляется, что в этом и других подобных случаях мы имеем дело не только с продолжающейся традицией, привычным воспроизведением тех или иных действий в определенной ситуации, но и с изобретением обрядовых форм заново, с приведением в действие, в результате осмысления события, определенных когнитивных стратегий». (с.284), под которыми она понимает «культурно обусловленные стереотипы восприятия и репрезентации события» (с.317). Однако репрезентация события на основе «культурно обусловленных стереотипов восприятия» представляет собой механизм воспроизведения традиции в диахронной непрерывности. Там, где речь идет об «изобретении обрядовых форм заново», сугубо социологические концепты не работают. Когнитивные стратегии не исчерпываются актуальными социальными стереотипами. Они реализуются на основе более глубоких когнитивных структур, обеспечивающих психическое единство человечества, благодаря которому одни и те же «когнитивные стратегии» оказываются актуальными у представителей совершенно разных культур в совершенно разные фазы исторического развития, при погружении их в лиминальное бесстатусное состояние. Кормина, вероятно, сознательно избегает психологических концепций, работающих с феноменом бессознательного. Видимо поэтому и называет лиминальное состояние «статусом», хотя сами основоположники теории лиминальности именовали данное состояние «пустыней бесстатусности», так что «лиминальный статус» - это оксюморон. Но он позволяет ей избегать вопросов о механизмах самоорганизации

индивидов в состоянии лиминальности, не решаемых в социологической парадигме. Как пишет Кормина, концепт идентичности заимствует из «социологического дискурса». Однако в «социологический дискурс» этот концепт попал из психоаналитического, в котором и возник трудами Эрика Эриксона, автора теории развития. И уже на социально-психологической основе понятие идентичности составило фокус-проблему отечественной этнологии в не меньшей, кстати говоря, мере, чем социологии.

17 Методологическое самоограничение не способствует глубокому проникновению в предмет исследования и пониманию того, о каких социально-антропологических процессах и в армии, и в обществе сигнализируют факты фолклоризации и ритуализации армейской социальной реальности. Не раскрытым остается и другой важный вопрос, прозвучавший в предисловии книги – автор видит за негативным отношением к обязательно воинской службе, ставшим нормой для жителей больших городов, скрытые причины, связанные с кризисом в отношениях между гражданами и государством, но в чем его суть – она сообщить не может.

18 Если рассматривать исследование Корминой строго в рамках традиционной фольклористики и этнографии, - оно безупречно, особенно в разделах, посвященных русским рекрутам XIX - начала XX. Но за пределами узкого круга профессиональных интересов оно могло бы иметь гораздо большую общественную ценность. Исследование Корминой ставит гораздо больше общественно важных вопросов, чем способно дать ответов. Узкий формат фольклористики и традиционной этнографический подход, даже при использовании семиотических подходов, оказался слишком камерным, чтобы позволить автору этого высокопрофессионального исследования решать те актуальные проблемы российского общества, пониманию которых мог бы способствовать ее материал.

References

Electronic reference

Константин Банников / Konstantin Bannikov, « Ж.В.Кормина, Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа, Москва: Новое литературное обозрение, 2005, 376 с. [*Zhanna Kormina, Rituals of Departure to the Military Service in Late Imperial Russia, Moscow: NLO publishing house, 2005, 376 pages*] », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 6/7 | 2007, Online since 18 décembre 2007. URL : <http://pipss.revues.org/index557.html>

Bibliographical reference

Ж.В.Кормина, Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа, Москва: Новое литературное об

Константин Банников / Konstantin Bannikov

Miklukho-Maklaia Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
Moscow

Copyright

Creative Commons License

This text is under a Creative Commons license : Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 2.0 Generic

Licence portant sur le document : Creative Commons License